

Е. В. Кодин, И. И. Родионов

Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922)

Польско-советская война 1919–1920 гг. и последовавший Рижский мирный договор марта 1921 г. довольно детально исследованы в российской, польской, украинской и белорусской историографии. На сегодня самой острой остается проблема положения пленных красноармейцев в польских лагерях¹. Прийти к единым согласованным позициям российским и польским историкам пока не удастся, даже несмотря на многолетнюю совместную работу Российско-польской группы по сложным вопросам². Дискуссионным является и вопрос о положении польских военнопленных в лагерях Советской России³.

Также все еще не исследован механизм репатриации польских военнопленных из лагерей Советской России в течение 1921–1922 гг. В имеющихся публикациях репатриация представлена лишь количественными показателями репатриированных поляков. Так, в коллективной монографии «Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях» Д. Липиньская-Наленч и Т. Наленч, ссылаясь на данные смешанной польско-российской комиссии по репатриации, пишут о 26 440 вернувшихся в Польшу военнопленных⁴. В отечественной историографии изначально к данной теме обратился И. И. Костюшко. По его подсчетам, к 1 ноября 1921 г. в Польшу было отправлено 25 тыс. военнопленных⁵. Автор

Кодин Евгений Владимирович
д-р ист. наук,
проф., Смоленский
государственный
университет
(Смоленск, Россия)

Родионов Иван Игоревич
аспирант,
Смоленский
государственный
университет
(Смоленск, Россия)

также обращает внимание на обстоятельства, вызывавшие затруднения при проведении репатриации (с советской стороны были случаи задержки отправки, но в то же время сам процесс осложнялся позицией польского правительства — неисполнением условий мирного договора)⁶. Более детально репатриация рассмотрена в подготовленном И. И. Костюшко фундаментальном сборнике документов⁷, где частично освещены вопросы нормативной базы, представлены документы о численности репатриированных польских военнопленных. Однако практически неисследованным остается сам механизм репатриации польских пленнх, неясно, как был организован и реализован сложный процесс возвращения на родину польских военнопленных, рассредоточенных по многим губерниям России, как проходило взаимодействие центральных учреждений и ведомств с местными органами государственной власти и руководством лагерей, в которых находились пленные поляки. Именно этому аспекту в большей степени и посвящено настоящее исследование.

Документальные материалы (разной степени информативности) о репатриации военнопленных имеются как в федеральных, так и в региональных архивах, например в областных — Государственном архиве Смоленской области (Ф. Р-136 «Смоленский концентрационный лагерь»), Государственном архиве Брянской области (Ф. Р-2376 «Брянский губернский концлагерь»), Государственном архиве Орловской области (Ф. Р-1716 «Орловский концлагерь»), а также в архивах других областей Центральной России. В региональных архивах сохранились получаемые из центра нормативные документы, переписка с Главным управлением принудительных работ (далее — ГУПР), списки репатрируемых пленнх поляков. Основной объем документов по теме польских военнопленных хранится в двух федеральных архивах: Государственном архиве РФ (Ф. 393. Оп. 89 «Главное управление принудительных работ», особый интерес представляет переписка с губернскими ведомствами; Ф. 3333 «Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак) Наркомата внутренних дел РСФСР») и в Российском государственном архиве социально-политической истории (Ф. 63 «Польское бюро ЦК РКП(б)» — материалы о переговорах и разработке нормативной базы, о работе польской делегации в Москве и др.).

* * *

Обсуждение вопросов обмена пленными велось воюющими сторонами уже в конце 1919 г. В середине ноября начальник полевого штаба Реввоенсовета республики П. П. Лебедев написал о состоявшихся переговорах с поляками, касавшихся создания нейтральной зоны и организации в ней пропускных пунктов для обмена пленными⁸. В начале 1920 г. этот вопрос инициировался непосредственно боевыми подразделениями польской армии. Так, в телеграмме помощника начальника штаба 16-й армии в адрес наркома иностранных дел Г. В. Чичерина от 14 января указывалось, что 13 января 1920 г. в расположение 8-й дивизии прибыли парламентарии Великопольской дивизии, уполномоченные руководством дивизии на ведение переговоров об обмене пленными. В ответ командующий 16-й армией Н. В. Саллогуб и член Реввоенсовета

А. Г. Шляпников просили довести до сведения начальника Великопольской дивизии, что по данному вопросу ему следовало обращаться к польскому правительству⁹. 13 июня 1920 г. в своей телеграмме Ф. Э. Дзержинский, как председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии, просил Народный комиссариат иностранных дел приказать секретарю Полномочного представительства РСФСР в Германии С. И. Бродовскому прекратить самостоятельные переговоры с польской стороной относительно обмена, поскольку этот вопрос должен был стать предметом мирных переговоров¹⁰. К тому времени началось обсуждение прелиминарных условий мира. В середине сентября 1920 г. в Петрограде встретились секретари советской и польской делегаций, удалось достичь договоренности о проведении заседаний по вопросу обмена пленными¹¹. Однако в целом вопрос согласовали только к середине осени 1920 г.

Подписание договора о перемирии и прелиминарных условиях мира состоялось 12 октября 1920 г. В ст. VII договора предусматривалось образование смешанных комиссий для обмена гражданских пленными, интернированных и военнопленных. Стороны обязывались заключить особое соглашение по репатриации. Польская сторона предлагала сразу же начать обмен военнопленными, однако российско-украинская делегация считала это возможным только при условии продления перемирия, на что не согласилась польская сторона¹². В подготовительных документах отмечалось, что обмен пленными должен был начаться только после ратификации договора и что под категорию военнопленных подходили лишь участники Польско-советской войны. В документе отмечалось, что польская делегация настаивала на немедленном обмене пленными, включая «взятых на белогвардейских фронтах и пленными других формаций»¹³.

26 октября 1920 г. посол Польши в Эстонии Л. Василевский, принимавший активное участие в мирных переговорах с РСФСР, убеждал советских представителей в необходимости организации смешанной комиссии и начала обмена¹⁴. А. А. Иоффе, председатель советской делегации на мирных переговорах с Польшей, не возражал против выдачи тяжелобольных и раненых пленными поляков из Минска при условии передачи двойного числа пленными красноармейцев в связи с их большим количеством¹⁵. 27 ноября 1920 г. Г. В. Чичерин сообщал А. А. Иоффе, что народный комиссар по военным и морским делам Л. Д. Троцкий считал выгодным ускорение обмена пленными. Это подтверждала резолюция заместителя председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянского, и нарком иностранных дел поддержал идею начать обмен пленными¹⁶. Однако первый секретарь полпредства РСФСР в Польше И. И. Лоренц еще 20 ноября писал в Москву, что Польша хотела бы произвести обмен 30–40 важных для них пленными, и предполагал, что, получив этих конкретных интернированных, польская сторона уже не была бы заинтересована в массовой репатриации¹⁷.

Для разработки проекта соглашения о репатриации в Риге создали комиссию по возвращению заложников, пленными, интернированных. Комиссия работала вполне активно. На начало ноября 1920 г. прошли 11 заседаний. 22 ноября И. И. Лоренц внес от имени российско-украинской делегации проект

первых статей соглашения о репатриации, в которых четко определялся круг лиц, подлежащих репатриации. Одновременно подняли вопрос о праве выбора гражданства польскими военнопленными (оптации), поскольку часть подлежащих репатриации в Польшу были либо российскими, либо украинскими гражданами. Польская сторона вскоре внесла свой проект, значительно расширивший круг возможных репатриантов. Начались долгие обсуждения.

24 декабря 1920 г. И. И. Лоренц направил из Риги на имя Г. В. Чичерина окончательный текст первых 18 статей соглашения о репатриации¹⁸. Однако через неделю, 31 декабря, он же сообщил наркому иностранных дел о том, что предлагалось изменить цифру еженедельно высылаемых военнопленных пропорционально, а именно за 1500 польских военнопленных высылать 4000 пленных красноармейцев¹⁹. 17 января 1921 г. А. А. Иоффе доложил Г. В. Чичерину, что соглашение о репатриации отпечатано, но еще не подписано. Согласовывался вопрос об удлинении срока перемирия, без чего, как он полагал, невозможно приступить к немедленному обмену военнопленными. С этим согласились и поляки²⁰.

Польская делегация настоятельно добивалась скорейшего начала персонального обмена еще до заключения соглашения о репатриации, представляя российско-украинской делегации списки с нужными ей людьми. Так, список от 2 февраля 1921 г. содержал уже 82 чел. с указанием местонахождения и причин пребывания в Советской России²¹. В ответ советская сторона подготовила списки польских коммунистов для персонального обмена²².

Одновременно велись подготовительные работы по осуществлению масштабной репатриации военнопленных. Еще 21 января 1921 г. Главное военно-санитарное управление (далее — ГВСУ) телеграммой обязывало начальника по санитарному обслуживанию Западного фронта на основании указаний Центрального управления по эвакуации населения (далее — Центроэвак) оказывать всемерное содействие в вопросах санитарного обслуживания военнопленных. Во исполнение полученных указаний начальник санитарной части Западного фронта созвал 29 января 1921 г. совещание, на котором были определены основные параметры предстоящей работы с репатриантами. Выработанный порядок приема военнопленных предусматривал по прибытии эшелонов на станцию Минск тщательный осмотр медперсоналом изоляционно-пропускного пункта каждого прибывающего эшелона, извлечение больных и подозрительных по заболеванию и направление последних в лечебные заведения или эвакуацию их дежурными санитарными поездами. Прибывающих военнопленных предполагали поместить в дома-карантины и направить в баню, где производились бы их стрижка, мытье, выдача им чистого белья, дезинфекция и дезинсекция одежды. Далее вымытые военнопленные должны были направляться в чистые казармы, где комиссия Центроэвака окончательно регистрировала и распределяла их. На всю эту административную работу отводилось 7–10 дней. Все расходы по содержанию карантина и казарм, организации питания здоровых военнопленных возлагались на комиссию Центроэвака. Постановлением СНК РСФСР от 4 февраля 1921 г. Народному комиссариату здравоохранения (далее — Наркомздрав) предписывалось следить

за содержанием больных и раненых польских военнопленных в больницах, госпиталях и лазаретах²³.

Долгие переговоры завершились соглашением о репатриации между РСФСР, УССР и Польшей, подписанным 24 февраля 1921 г.²⁴ В документе давалось определение военнопленных, под которыми понимались «комбатанты²⁵, взятые в плен армиями другой стороны на российско-украинско-польском фронте, [а] равно и некомбатанты, входившие в состав действующих вооруженных сил и захваченные в плен армиями другой стороны, а также лица, входившие в состав польских отдельных войсковых частей и отрядов, взятые в плен российско-украинскими армиями и на других фронтах и разоруженные, и интернированные российскими и украинскими властями»²⁶. Военнопленные подлежали обмену по принципу «все на всех». Принуждение военнопленных к репатриации не допускалось. В первую очередь должны были отправляться больные, инвалиды и содержащиеся в наихудших условиях. Приостанавливались всякого рода преследования и приведение в исполнение наказаний.

В это же время А. А. Иоффе сообщал Г. В. Чичерину, что отправка транспортов с военнопленными польской армии должна была начаться не позднее 10 дней со дня подписания соглашения, т. е. с 6 марта 1921 г., еще до образования смешанных комиссий. Однако, по данным польской стороны, обещанные российско-украинской комиссией первые транспорты военнопленных поляков к 12 марта на обменные пункты не прибыли²⁷.

В задачи двух смешанных комиссий, предусмотренных соглашением, входило наблюдение за репатриацией военнопленных, содействие ее организации и ускорение процесса. Членам комиссии предписывалось также вести регистрацию и учет военнопленных (составлять списки), им давалось право посещать места содержания военнопленных. Комиссии учреждались в Москве и в Варшаве. Для контроля за процессом массовой репатриации польская сторона 15 апреля 1921 г. отправила в Москву свою делегацию смешанной комиссии во главе с Э. Залеским²⁸. 24 марта 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило состав российско-украинской комиссии для отправки в Польшу. Ее возглавил А. Н. Игнатов. Советская делегация по репатриации прибыла в Варшаву 24 апреля 1921 г.

В целях нормативного регулирования механизма отправки польских военнопленных 26 февраля 1921 г. вышли два совместных приказа Реввоенсовета Республики, Народного комиссариата внутренних дел (далее — НКВД) и Наркомздрава за № 473-68/589 и № 473-68/590 по Центроэваку. Первый приказ требовал принять к руководству «Правила о порядке обслуживания при обмене пленными и беженцами с Польшей»²⁹. В параграфе «Б» определялся порядок отправки польских военнопленных на родину. В соответствии с документом, в первую очередь требовалось отправлять больных и инвалидов. Формирование эшелонов предполагалось проводить за счет средств и под руководством Центроэвака. Больных и пленных инвалидов следовало перевозить санитарными поездами. Перед отправкой в таком поезде польских пленников обязаны были проверять местные органы Наркомздрава. О количестве лиц, планируемых к перевозке в санитарном поезде, органам Центроэвака пред-

писывалось сообщать в ГВСУ для составления плана перевозок. Медико-санитарное обслуживание и довольствие в пути до обменного пункта поручалось отделам здравоохранения по линии ГВСУ. По доставке до обменного пункта пленные переходили на попечение Центроэвака.

Далее документ определял правила отправки здоровых польских военнопленных. В целом они соответствовали порядку отправки больных, но имелись и отличия. Пленных под надзором представителей ГУПР планировали доставлять до железнодорожных станций для дальнейшего стягивания к местам формирования эшелонов по указанию органов Центроэвака. После этого пленные поляки перед отправлением эшелона должны были быть осмотрены органами народного комиссариата здравоохранения с соответствующей отметкой в документах. Перед посадкой в эшелон пленных также приказывалось подвергать стрижке и отправлять в баню с последующей сменой белья и дезинфекцией одежды. Наблюдение за процессом репатриации возлагалось на особо уполномоченных НКВД по делам польских пленных.

Главное управление принудительных работ обязывалось доставлять польских военнопленных до станции для их дальнейшего включения в формируемые эшелоны. На военнопленных составлялись списки в двух экземплярах. С момента выгрузки польских военнопленных на обменном пункте они поступали на попечение Центроэвака.

Медико-санитарное обслуживание и довольствие в пути до обменного пункта производилось средствами ГВСУ согласно инструкции Центроэвака. Больные польские военнопленные могли быть переведены в санитарный поезд — это определялось на месте медицинским органом (Центроэвака или Наркомздрава). О количестве лиц, нуждающихся в перевозке на санитарном поезде, для составления плана перевозок ставили в известность заранее. На данную категорию репатрируемых следовало составлять именной список в трех экземплярах: один оставался в губернском отделе по эвакуации населения, другой передавался начальнику губернского отдела по эвакуации населения, третий — начальнику санитарного поезда (этот экземпляр по прибытии сдавался органам Центроэвака на обменном пункте).

Второй приказ утверждал Правила «О порядке снабжения лиц, прибывающих из польского плена и пленных поляков и беженцев, следующих в Польшу»³⁰. Все пленные поступали на довольствие с момента посылки с пунктов сбора и до сдачи их польским властям представителями Центроэвака на конечном обменном пункте. В примечании указывалось, что если на железнодорожной станции первоначальной посадки не имелось органов Центроэвака, то ГУПР по установленным им нормам должно было обеспечивать довольствие до первого пункта Центроэвака. Вещевое довольствие пленных поляков производилось по месту первоначальной отправки ГУПР из запасов, получаемых для этой цели от военного ведомства.

3 марта 1921 г. ГУПР приказало комендантам лагерей приступить к «сгруппированию» всех военнопленных польской армии в губернских центрах, оставляя их временно на работах, если предприятия размещались в непосредственной близости от лагерей. Также предписывалось произвести немедленно

выплату заработка всем военнопленным полякам из расчета одной четвертой заработка работавших до организации трудовых дружин и по 900 руб. всем после организации таковых с полной оплатой сверхурочных и премиальных, известив губернские комитеты труда о всех военнопленных, которые работали на предприятиях ударного характера³¹. Военнопленным следовало подавать заявления в подотделы принудительных работ для выдачи им жалованья из средств, заработанных на принудительных работах. Полный расчет с ними должен был проводиться в день отправления на родину.

Для прояснения текущих вопросов по репатриации ГУПР направляло на места телеграммы с дополнениями и разъяснениями. Так, 26 марта 1921 г. за № 2957 ГУПР предписывало подотделу принудительных работ Смоленского губисполкома при отправлении эшелонов с польскими военнопленными и гражданскими заключенными составлять для них списки уже в семи экземплярах согласно образцу, указанному в соглашении о репатриации и объявленному в «Известиях ВЦИК» (№ 52/1195 от 9 марта 1921 г.): один экземпляр этих списков оставлять в подотделе, один сдавать в губэвак, один отправлять в местную губернскую чрезвычайную комиссию (далее — губчека), один пре-проводить в ГУПР, остальные три списка, заверенные подотделом, губэваком, губЧК, оставались у коменданта эшелона до границы³².

* * *

Согласование репатриационных мероприятий началось в марте 1921 г. В сообщении из Риги в Наркомат иностранных дел от 3 марта говорилось, что польское правительство готовило к отправке 7 марта первый транспорт военнопленных в количестве около 1000 чел., который должен был прибыть в Столбцы (железнодорожная станция в г. Столбцы, Белоруссия) 8 марта. Польская делегация ожидала от советской стороны готовности к отправке первого транспорта с военнопленными также к 7 марта 1921 г.³³

11 марта 1921 г. председатель российско-украинской военной делегации А. А. Иорданский сообщал в Москву, что, по сведениям польской военной делегации при польско-российско-украинской военно-согласительной комиссии, Министерство внутренних дел Польши предлагало перед началом общего обмена провести частичный персональный обмен³⁴. Это предложение было реализовано. 1 апреля 1921 г. заведующий отделом Центральной Европы Наркомата иностранных дел РСФСР И. С. Якубович получил сообщение, что польской стороне в порядке персонального обмена передано 27 чел., советская сторона в порядке частичного обмена получила две партии военнопленных: 25 марта — 20 чел., 30 марта — 13 чел.³⁵

В то время в российских лагерях уже шла активная подготовительная работа для эшелонной отправки польских военнопленных. Реконструировать процесс и механизм репатриации в достаточно полном объеме позволяют архивные материалы Смоленских, Брянских и Орловских лагерей военнопленных, эшелоны для отправки которых формировались по цепочке Орел — Брянск — Смоленск и далее к польской границе.

В самой западной из российских территорий, Смоленской губернии, через которую шел основной поток польских пленных из РСФСР, репатриация началась в марте 1921 г. Первый эшелон планировалось отправить 15 марта. Полученная в Смоленске 6 марта телеграмма от председателя Центроэвака и заместителя председателя ГУПР предписывала Наркомату путей сообщения предоставить вагоны для отправки первого эшелона военнопленных поляков: 9 марта на станции Смоленск должно было быть 20 вагонов и одна санитарная теплушка для погрузки пленных солдат и 60 офицеров, 13 марта — еще 20 вагонов для погрузки 300 военнопленных, 15 марта — 4 вагона для погрузки 100 пленных. В вопросах отправки польских военнопленных губэвакам надлежало согласовывать свои действия с местными отделами принудительных работ³⁶.

Согласно архивным материалам трех соседних губерний — Смоленской, Брянской, Орловской, администрация стала концентрировать пленных в лагерях. Военнопленных отзывали с работ. Так, в Брянск (в местный губернский исполнительный комитет и в лагеря) 5 марта 1921 г. поступила телеграмма заместителя народного комиссара внутренних дел М. Ф. Владимирского, требовавшего от местных властей в пятидневный срок снять с работ всех военнопленных, находившихся далеко от лагеря³⁷. В телеграмме от 7 марта 1921 г. комендант Смоленского концлагеря просил склад Рига-Орловской железной дороги ввиду предстоящей отправки на родину вернуть в лагерь всех военнопленных, которые были там на постоянных работах³⁸.

Проследим процесс отправки первого эшелона из Орла через Брянск и Смоленск. Своим предписанием от 26 марта 1921 г. Орловский губэвак назначил Л. Ф. Файна начальником формируемого эшелона. Файн изначально составил журнал следования эшелона от станции Орел до станции Койданово (железнодорожная станция близ г. Дзержинска, Белоруссия) на период с 29 марта по 2 апреля³⁹. 29 марта начальник поезда, согласно списку Орловского подотдела принудительных работ, принял 502 пленных поляка⁴⁰. Погрузка репатрируемых началась на станции Орел с утра 29 марта, завершилась к десяти вечера того же дня, и эшелон отправился в брянском направлении около 3 часов ночи 30 марта. Со слов Файна, все поляки перед отправкой из Орла были «удовлетворены полностью обмундированием согласно списков арматурных⁴¹ и списков, визированных в Орловской губчека»⁴².

Орловскому эшелону присвоили № 5. Он состоял из 18 вагонов-теплушек, в числе которых был один комендантский и один санитарный. Перед отправкой военнопленным выдали двухдневный паек довольствием в сухом виде из средств второго Орловского концентрационного лагеря по суточной норме. На пункте перед отправкой военнопленные на средства Орловского губэвака получили горячую пищу. По заявлению военнопленных Орловский подотдел принудительных работ полностью выплатил им жалованье по день эвакуации из сумм, заработанных ими на принудительных работах⁴³.

В Брянской губернии польских военнопленных концентрировали для репатриации в Бежицком лагере. Эшелон из Орла прибыл на станцию Брянск 30 марта в соответствии с графиком. Здесь к нему присоединили 14 теплушек

с 384 «брянскими» поляками (15 офицеров и 369 рядовых)⁴⁴. По прибытии «орловского» эшелона на станцию Брянск «брянским» военнопленным уже предоставили горячую пищу и обеспечили довольствием до 2 апреля включительно. Все военнопленные были в обмундировании. Эшелон № 5 отправился со станции Брянск 30 марта 1921 г. в составе 34 теплушек с 887 военнопленными по направлению к станции Смоленск. Перед отбытием эшелона в Смоленский губэвак отправили телеграмму о необходимости приготовления горячей пищи. Эшелон прибыл в Смоленск 31 марта. Здесь его зарегистрировали у коменданта станции и у дежурного агента губэвака.

В Смоленске эшелон передали от Рига-Орловской железной дороги в ведение Александровской железной дороги, и он отправился в сторону Орши 1 апреля. До Орши эшелон добрался в тот же день без каких-либо происшествий. Далее следовал по маршруту и 2 апреля прибыл в Минск, откуда сразу направился через станцию Койданово к конечной станции назначения — Негорелое (железнодорожная станция близ г. Негорелое, Белоруссия), где в период репатриации находился передаточный пункт. В составе эшелона после Минска числились уже 897 военнопленных солдат и 18 офицеров-поляков. На станции Негорелое начальник эшелона сдал эшелон начальнику передаточного пункта в присутствии польских представителей. Военнопленных пересчитали, начальник эшелона получил соответствующую расписку⁴⁵.

Местные власти проявляли высокую активность в исполнении решений по репатриации. Так, 19 апреля заведующий подотделом принудительных работ Смоленской губернии телеграммой предлагал коменданту Смоленского концлагеря в порядке «боевого приказа» предоставить в течение 6 часов списки военнопленных поляков, желавших остаться в Советской России, и отдельно списки тех, кто хотел уехать в Польшу. Остающиеся должны были предоставить соответствующее заявление в письменной форме. Давался образец оформления списка⁴⁶. Однако еще в начале апреля 1921 г. заведующий ГУПР сообщал в Смоленский подотдел принудительных работ, что в деле отправки польских военнопленных на местах в обязательном порядке все действия необходимо согласовывать с губернской чрезвычайной комиссией. Без разрешения губчека отправка эшелонов с польскими военнопленными запрещалась⁴⁷. После этого лагерная администрация стала подавать списки для проверки и визирования в стол розыска губчека и в особый отдел.

20 апреля 1921 г. Смоленский губэвак провел заседание, на котором рассматривался вопрос об организации отправки эшелона с польскими военнопленными 23 апреля. По итогам заседания начальнику эвакуационного отделения Орлову поручили скоординировать действия с подотделом принудительных работ в целях своевременной отправки эшелона и необходимого предварительного оформления документов (составление списков в семи экземплярах, заверенных губчека, и отдельных карточек на каждого военнопленного за подписью коменданта соответствующего лагеря); начальнику санитарного отдела предписывалось сформировать комиссию для осмотра эшелона перед погрузкой и принять меры к предварительной дезинфекции вагонов; начальнику снабжения — решить с отделом принудительных работ вопросы об-

мундирования и довольствия военнопленных⁴⁸. В это же время Наркомат путей сообщения дал распоряжение предоставить 23 апреля 20 вагонов для погрузки военнопленных поляков⁴⁹.

В июне из Смоленска проследовала третья партия пленных. 1 июня из лагеря в подотдел принудительных работ были направлены два списка военнопленных поляков для отправки их в Польшу 4 июня и 10 личных дел⁵⁰. Итоговый июньский список включал в себя 22 чел., которых отправили на родину⁵¹. Лагерь пленных польской армии в Смоленске после отправки этой партии был ликвидирован.

Четвертую партию пленных для отправки из Смоленска начали готовить в июле. Вначале стали отзывать военнопленных поляков с работ. В течение одного дня, 25 июля, в разные учреждения и организации, где задействовались на работах польские военнопленные, отправили несколько телеграмм с соответствующими требованиями. Так, заведующий подотделом принудительных работ Троцюк просил первую государственную хлопчатобумажную фабрику в уездном центре Ярцево отправить в Смоленский концлагерь 40 военнопленных⁵²; помощник коменданта Смоленского концлагеря Везис просил высшие курсы армии Западного фронта⁵³, отдел снабжения Смолгубэвака⁵⁴ и столовую Смолгубпродкома⁵⁵ доставить в лагерь всех военнопленных; другой помощник коменданта концлагеря, Мурзиков, вторично (в дополнение к отношению от 19 июля) просил управление Смолгубторфа доставить в лагерь работавших там военнопленных⁵⁶, а также вернуть находившихся на работах в распоряжении особого отдела Западного фронта польских военнопленных⁵⁷. 25 июля пленных доставили в лагерь⁵⁸. На следующий день был составлен список, включавший 170 польских военнопленных⁵⁹. 27 июля копии данного списка отправили в особый отдел Западного фронта и в Смолгубчека⁶⁰. Смолгубчека, проверив польских военнопленных по представленному списку, заключила, что они не состояли на учете в ее столе розыска, и сделала на списке соответствующую запись⁶¹. На обороте списка значилось, что отъезд был определен на 29 июля 1921 г.⁶²

Пятую партию польских военнопленных для отправки из Смоленска стали готовить в августе 1921 г. В телеграмме от 13 августа особый отдел Западного фронта предлагал Смоленскому губэваку, коменданту концлагеря, не позже 14 августа предоставить сведения о количестве польских военнопленных к отправке в Польшу и о том, как скоро они могли быть отправлены⁶³. Список польских военнопленных, которые желали отправиться в Польшу из Смоленского концлагеря, был составлен 17 августа и включал 95 чел.⁶⁴ Через два дня, 19 августа, коменданту концлагеря сообщили, что наряд на 10 вагонов выписан, а о прибытии вагонов ему сообщат по линии представителя губэвака⁶⁵. В ответ комендант концлагеря информировал Смолгубэвак, что к отправке в Польшу готова партия военнопленных в количестве 210 чел., распределенная по двум спискам (102 и 108 чел.)⁶⁶.

Как свидетельствуют материалы смешанной комиссии по репатриации, до 1 июня 1921 г. в Польшу отправились 12 322 военнопленных, приблизительно еще столько же подлежали отправке. Через станцию Негорелое выбыли

10 445 чел.⁶⁷ Всего пунктов, через которые передавались польские военнопленные, было три: на станциях Негорелое, Барановичи, Ровно. К июлю 1921 г. через станцию Негорелое прошли 14 711 чел., через Барановичи (в период с марта по июль 1921 г.) — 9677 чел., через Ровно (в тот же временной интервал) — 2645 чел.⁶⁸ В предварительном отчете руководителя отдела военнопленных польской делегации Котвич-Добжаньского от 11 июля 1921 г. отмечалось, что репатриация польских пленных из Советской России на европейской территории России близилась к завершению⁶⁹. На август 1921 г. оставались для отправки два эшелона из Москвы, один из Петрограда и пленные из 5-й Сибирской дивизии⁷⁰ общим числом около 10 тыс. чел. Также говорилось о том, что в различных местностях Советской России (в госпиталях и тюрьмах, на принудительных работах) все еще находилось несколько сотен пленных, «разбросанных по одиночке или группками по несколько человек». Со слов Котвич-Добжаньского, польские пленные иногда даже сами добирались до Москвы — еженедельно от 10 до 20 чел.⁷¹ Эта информация в целом совпадала с данными отчета Польского бюро ЦК РКП(б) за август 1921 г. В нем уточнялась цифра подлежащих реэвакуация пленных из Сибири, где имелось 6–8 тыс. военнопленных из бывшей армии Колчака⁷². Последние партии польских военнопленных из Москвы и Питера отправились в сентябре 1921 г.

15 сентября 1921 г. на Александровском вокзале Москвы собрали для отправки 1200 военнопленных из Владыкинского лагеря; 24 сентября отправился эшелон из Тулы. В списке репатрируемых числились 208 офицеров из Сибирской дивизии (14 находились в бегах), 16 офицеров и 37 солдат с Западного фронта (из них 4 больных и 12 находились в бегах), 15 военнопленных из деникинских, врангелевских и петлюровских частей. Всего в сентябре репатриировали 2320 чел. По данным польской стороны, на родину прибыли 2328 военнопленных. В октябре 1921 г. были отправлены 315 и прибыли в Польшу 273 чел.⁷³

Проведение репатриации военнопленных нередко затруднялось рядом обстоятельств. Иногда отправка задерживалась из-за неудовлетворительных условий эвакуации. Репатриация военнопленных осложнялась и позицией польского правительства, которое не выполняло условий договора о высылке из страны белогвардейцев, делало заявления ультимативного характера, и советская сторона в знак протеста приостанавливала отправку военнопленных⁷⁴.

Так, польская делегация высказывала претензии, что 90 % репатрируемых пленных не были обеспечены бельем и обмундированием, что среди пленных, прибывающих в общих эшелонах, находились «больные и истощенные». В ответ уполномоченный по Московской губернии А. Малиновский в служебной записке главе российско-украинской делегации А. Н. Игнатову от 19 июля 1921 г. показывал, что все военнопленные проходили через врачебную комиссию, мылись в бане со сменой белья и выдачей каждому обмундирования; в зависимости от состояния здоровья производилась посадка в специальные вагоны или в санитарные поезда либо продезинфицированные теплушки, и с именованными арматурными списками, аттестатами, денежными и довольственными, в сопровождении медперсонала пленные отправлялись на пограничный обменный пункт. В именном арматурном списке перечисля-

лось все полученное каждым военнопленным обмундирование. Более того, отмечалось в записке, все проходившие через Москву эшелоны осматривались комиссией вторично, и недостающее обмундирование выдавалось повторно, на что также составлялись добавочные арматурные списки. Уполномоченный предлагал передать польской делегации один подобный арматурный список по уже отправленным на родину военнопленным, а также именной список тех, кто продал в пути свое обмундирование⁷⁵.

Не обходилось и без открытой пропаганды. Например, 9 мая 1921 г. секция пленных и интернированных при Министерстве иностранных дел Польши предлагала экспозитуре⁷⁶ второго отдела штаба Министерства военных дел Польши на обменном пункте в Барановичах у возвращавшихся из советского плена собирать сведения (в документе говорилось: «...о вопиющем неправильном обращении большевистских властей с нашими пленными в Советской России»), независимо от уже полученной информации. Предполагалось, что такого рода сведения будут использовать и сотрудники самой секции, и польская делегация в смешанной комиссии в Варшаве для отклонения всяких возможных обвинений со стороны российской делегации, а также внесения протестов и вмешательства в процесс репатриации с польской стороны⁷⁷.

В это же время секция пленных и интернированных при Министерстве иностранных дел Польши дала разрешение представителям Американского союза христианской молодежи делать фотоснимки на обменном пункте в Барановичах. Однако в ходе фотографирования должен был обязательно присутствовать польский офицер, следивший, чтобы фотографировали исключительно наиболее истощенных и оборванных пленных, прибывающих из России, а из возвращающихся в Россию только тех, кто выглядел наиболее здоровым и хорошо одетым⁷⁸.

В конце октября 1921 г. член российско-украинской делегации в смешанной комиссии по репатриации (г. Москва) А. М. Ястребов писал, что советская сторона обязывалась отправить всех оставшихся в РСФСР и УССР польских военнопленных и интернированных в ноябре 1921 г.⁷⁹ В большинстве губерний Центральной России репатриация польских военнопленных завершилась в конце осени 1921 г. Так, в телеграмме от 27 октября 1921 г. за № 4871 командант Смоленского концлагеря А. А. Везис сообщал заведующему подотделом принудительных работ, что в лагере польских военнопленных уже не было⁸⁰. До конца 1921 г. в Польшу репатриировались единицы военнопленных. В начале ноября вице-министр иностранных дел Польши Я. Домбский отмечал, что, по данным польской стороны, на территории России находилось еще около 2500 польских военнопленных⁸¹. Это фактически совпадало с данными Центроэвака на 13 ноября того же года: предстояла отправка 2000 польских военнопленных из Сибири, около 500 находились в европейской части РСФСР⁸².

Всего с марта по июнь 1921 г., по данным Центроэвака, в Польшу было отправлено 10 694 военнопленных через станцию Негорелое и 5762 чел. через станцию Здолбуново (Украина), а с июля по декабрь соответственно 12 119 и 3207 пленных поляков, всего — 32 366 чел. Дополнительно в январе — июле 1922 г. польская сторона получила еще 2460 солдат и 13 офицеров.

С начала обмена было репатрировано в общей сложности 34 839 польских военнопленных⁸³.

В августе 1922 г. Центроэвак сообщал польской делегации, что для установления точного числа оставшихся зарегистрированных и желавших выехать в Польшу репатриантов было дано распоряжение по всем местным органам представить данные до 20 августа для европейской России и до 5 сентября — для восточных регионов, чтобы по ним составить окончательный план репатриации для последних военнопленных⁸⁴. В дальнейшем репатриация будет касаться лишь отдельных лиц. Например, 21 августа 1922 г. польская делегация просила российско-украинскую делегацию зарегистрировать и отправить в Польшу пленного В. Вольского, указывая, что он работал на станции Кузино Пермской железной дороги на 18-м участке пути⁸⁵. 2 сентября 1922 г. российско-украинская делегация просила Центроэвак отправить в Польшу из Тульского лагеря № 2 двух польских военнопленных и двух гражданских пленн⁸⁶. В начале осени 1922 г. процесс репатриации фактически завершился.

* * *

Репатриация польских военнопленных строилась на основе соответствующего соглашения между РСФСР, УССР и Польшей, подписанного 24 февраля 1921 г. Обмену подлежали военнопленные по принципу «все на всех». Принуждение военнопленных к репатриации не допускалось. К согласованию репатриационных мероприятий приступили в начале марта 1921 г. В это время в российских лагерях уже шла активная подготовительная работа для эшелонной отправки польских военнопленных. В соответствии с разработанной нормативной документацией, перед отправкой польские военнопленные подвергались санитарной обработке (помывка в бане, стрижка), им выдавалось белье и обмундирование, они обеспечивались продовольственным пайком на период следования, с ними производился полный расчет на местах их принудительной работы. Больных военнопленных отправляли специальными эшелонами или в отдельных санитарных вагонах в сопровождении медицинского персонала.

Первые эшелоны с польскими военнопленными начали уходить в Польшу в марте 1921 г. К осени того же года массовая репатриация поляков завершится. Дальше отправка военнопленных в Польшу будет иметь персональный характер.

¹ См. об этом: *Корнилова О. В.* Красноармейцы в польском плену (1919–1922): основные направления современной российской и польской историографии // *Известия Смоленского государственного университета.* 2019. № 4 (48). С. 355–373.

² Решение о создании Российско-польской группы по сложным вопросам было принято в 2002 г. Однако фактическая ее работа началась в 2007 г. На сегодня самым знаковым результатом многолетней работы группы стала публикация книги: *Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях: научное издание / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский.* М., 2017.

³ См., напр.: *Костюшко И. И.*: 1) К вопросу о польских пленн⁸⁶ 1920 г. // *Славяноведение.* 2000. № 3. С. 42–63. URL: <http://inslav.ru/page/slavyanovedenie-podshivka-nomerov-1992->

2012-gody (дата обращения: 01.04.2020); 2) Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы) / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2001; 3) Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг. / отв. ред. А. Л. Шемякин. М., 2005; *Островский Л. К.* Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 88–92; *Оплаканская Р. В.*: 1) Трудная дорога домой. О репатриации военнопленных 5-й польской стрелковой дивизии на юге Сибири в 1921 г. // *Europa Orientalis: Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2015. No. 6. С. 59–72; 2) Деятельность представительства Смешанной комиссии в Сибири по репатриации польских военнопленных в 1921 году // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 120–127; *Гавриленков А. Ф.*: 1) Рославльский концентрационный лагерь принудительных работ (1920–1921) // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 170–172; 2) Система концентрационных лагерей в Смоленской губернии в период советско-польской войны 1920–1921 гг. // *Studia internationalia: материалы IV междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях. X–XX вв.»* (1–3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С. 191–195; *Кодин Е. В., Родионов И. И.*: 1) Польские военнопленные в Рославльском и Смоленском концентрационных лагерях в 1920–1922 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2 (42). С. 341–358; 2) Социальный портрет польских военнопленных, содержавшихся в лагерях Смоленской губернии (1920–1921 годы) // Там же. 2019. № 3 (47). С. 377–395.

⁴ Белые пятна — черные пятна. С. 72.

⁵ *Костюшко И. И.* К вопросу о польских пленниках 1920 г. С. 59.

⁶ Там же. С. 60–61.

⁷ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): документы и материалы / подг. публ. И. И. Костюшко. М., 2004.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 201. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 195. Л. 5.

¹⁰ Там же. Д. 191. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² *Костюшко И. И.* К вопросу о польских пленниках. С. 52.

¹³ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 190. Л. 5.

¹⁴ Там же. Д. 191. Л. 49.

¹⁵ Там же. Л. 82.

¹⁶ Польские военнопленные... С. 94; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 25.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 191. Л. 95.

¹⁸ Там же. Л. 234.

¹⁹ Там же. Л. 267.

²⁰ Польские военнопленные... С. 254.

²¹ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–3.

²² Там же. Л. 5.

²³ Польские военнопленные... С. 284–285.

²⁴ Там же. С. 284.

²⁵ Комбатант (от фр. *combatant* — сражающийся) — лицо, принимающее непосредственное участие в боевых действиях в составе вооруженных сил одной из сторон международного вооруженного конфликта и имеющее в этом качестве особый юридический статус.

²⁶ Польские военнопленные... С. 284.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 191. Л. 431.

²⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 208. Л. 2–3.

²⁹ Государственный архив Смоленской области (далее — ГАСО). Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 169. Л. 22–23.

³⁰ Там же. Д. 103. Л. 208 об.–209 об.

³¹ Там же. Д. 59. Л. 52.

³² Там же. Д. 169. Л. 5–5 об., 77.

³³ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 191. Л. 327.

³⁴ Там же. Д. 192. Л. 23.

³⁵ Там же. Л. 31.

- ³⁶ ГАСО. Ф.Р-136. Оп. 1. Д. 59. Л. 53.
- ³⁷ Государственный архив Брянской области (далее — ГАБО). Ф.Р-2376. Оп.1. Д. 46. Л. 1–1 об.
- ³⁸ ГАСО. Ф.Р-136. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.
- ³⁹ Польские военнопленные... С. 310–313.
- ⁴⁰ Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф.Р-1716. Оп.1. Д. 20. Л. 15.
- ⁴¹ Арматурный список — документ, в котором показывалось количество вещей обмундирования, выданных польских военнопленным в момент отправления в Польшу.
- ⁴² Польские военнопленные... С. 311.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ ГАБО. Ф.Р-2376. Оп. 1. Д. 109. Л. 89.
- ⁴⁵ Польские военнопленные... С. 313.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф.Р-136. Оп. 1. Д. 169. Л. 24.
- ⁴⁷ Там же. Л. 67.
- ⁴⁸ Там же. Л. 118.
- ⁴⁹ Там же. Л. 6–9.
- ⁵⁰ Там же. Д. 132. Л. 45.
- ⁵¹ Там же. Д. 319. Л. 31.
- ⁵² Там же. Л. 176.
- ⁵³ Там же. Л. 177.
- ⁵⁴ Там же. Л. 178.
- ⁵⁵ Там же. Л. 181.
- ⁵⁶ Там же. Л. 179.
- ⁵⁷ Там же. Л. 180.
- ⁵⁸ Там же. Л. 181а.
- ⁵⁹ Там же. Д. 135. Л. 7–19.
- ⁶⁰ Там же. Л. 20 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 21.
- ⁶² Там же. Л. 21 об.
- ⁶³ Там же. Д. 169. Л. 123.
- ⁶⁴ Там же. Д. 135. Л. 47–54.
- ⁶⁵ Там же. Л. 58.
- ⁶⁶ Там же. Д. 319. Л. 273.
- ⁶⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 3333. Оп. 2. Д. 223. Л. 22; РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 199. Л. 59.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 151. Л. 206; ГАРФ. Ф.Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 107.
- ⁶⁹ Польские военнопленные... С. 342–344.
- ⁷⁰ В Сибири находились пленные из 5-й дивизии польских стрелков, которая была сформирована в основном из поляков — пленных Первой мировой войны и входила в состав армии Колчака. В Петрограде также находилась часть поляков — военнопленных Первой мировой войны.
- ⁷¹ Польские военнопленные... С. 343.
- ⁷² Там же. С. 377–380.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ См. подробнее: *Костюшко И.И.* К вопросу о польских пленных. С. 60–61.
- ⁷⁵ Польские военнопленные... С. 339–340.
- ⁷⁶ Экспозитура — название подразделений польских разведывательных органов в 1920–1939 гг.
- ⁷⁷ Там же. С. 313.
- ⁷⁸ Там же. С. 340.
- ⁷⁹ Там же. С. 378.
- ⁸⁰ ГАСО. Ф.Р-136. Оп. 1. Д. 319. Л. 445.
- ⁸¹ Польские военнопленные... С. 378.

⁸² Там же. С. 379.

⁸³ Там же. С. 12.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 288. Л. 365–365 об.

⁸⁵ Там же. Л. 232.

⁸⁶ Там же. Л. 188.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2020 г.

Рекомендована в печать 27 октября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кодин Е. В., Родионов И. И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 1. С. 72–88. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.105>
УДК 94(47).084.3

Аннотация: Проблема военнопленных Польско-советской войны 1919–1920 гг. остается одним из самых дискуссионных вопросов в современной историографии. Данная тема мало изучена как в отечественной, так и в зарубежной (в частности, польской) исторической науке. В статье рассматриваются процесс и механизм репатриации пленных поляков из лагерей Центральной России в 1921–1922 гг. Обсуждение вопросов возвращения пленных началось еще в конце 1919 г. В 1920 г. для разработки проекта соглашения о репатриации в Риге создали специальную комиссию. Переговоры завершились подписанием соглашения о репатриации между РСФСР, УССР и Польшей 24 февраля 1921 г. Уже в начале марта началось согласование самого процесса репатриации. Параллельно с этим в российских концлагерях и лагерях военнопленных приступили к подготовительным мероприятиям для эшелонной отправки пленных польской армии. Их стали собирать в крупных губернских концлагерях, мелкие лагеря закрывались. В соответствии с разработанной нормативной документацией, перед отправкой польские военнопленные подвергались санитарной обработке, им выдавалось обмундирование, они обеспечивались пищей на период следования, с ними производился полный расчет. Больных военнопленных отправляли специальными эшелонами или в отдельных санитарных вагонах в сопровождении медицинского персонала. Первые эшелоны с польскими военнопленными начали уходить в Польшу в марте 1921 г. Завершилась массовая репатриация к осени того же года. В дальнейшем репатриация касалась лишь отдельных лиц и имела персональный характер. Всего в Польшу было отправлено почти 35 тыс. военнопленных.

Ключевые слова: Польско-советская война, Польша, РСФСР, военнопленные, репатриация, Центральная Россия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 19-09-00091/19 «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 гг.».

Сведения об авторах: *Кодин Е. В.* — д-р ист. наук, проф., Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия); evkodin@yandex.ru | *Родионов И. И.* — аспирант, Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия); vanro.rodionov@yandex.ru

Смоленский государственный университет, Россия, 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

FOR CITATION

Kodin E. V., Rodionov I. I. 'Repatriation of Polish Prisoners of War from Camps of Central Russia (1921–1922)', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 1, 2021, pp. 72–88. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.105>

Abstract: The problem of prisoners of war of the Polish-Soviet war of 1919–1920 remains one of the most debatable issues in modern historiography. This topic is poorly studied in both domestic and foreign (especially Polish) historiography. The article deals with the process and mechanism of repatriating Polish prisoners from camps in Central Russia in 1921–1922. The authors note that the discussion of repatriation began at the end of 1919. Negotiations ended with the signing of a repatriation agreement between the RSFSR, the Ukrainian SSR, and Poland on February 24, 1921. In accordance with the developed normative documentation, Polish prisoners of war were subjected to sanitary treatment (baths, haircuts) before being sent; they were given underwear and uniforms; they were provided with food for the period of their journey; and they were fully paid. Sick prisoners of war were sent in special trains or in separate ambulances accompanied by medical personnel. The first echelons with Polish prisoners of war began “leaving” for Poland in March 1921. Mass repatriation was completed by the autumn of the same year. In the future, repatriation concerned only individuals and would be of a personal nature. In total, almost 35 000 prisoners of war were sent to Poland.

Keywords: Polish-Soviet war, Poland, Soviet Russia, prisoners of war, repatriation, Central Russia.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for basic research (RFBR), project no. 19-09-00091/19 “Polish prisoners of war in the camps of Central Russia, 1919–1922”.

Authors: *Kodin E.V.* — Dr. Sci. in History, Professor, Smolensk State University (Smolensk, Russia); evkodin@yandex.ru | *Rodionov I.I.* — Postgraduate Student, Smolensk State University (Smolensk, Russia); vano.rodionov@yandex.ru

Smolensk State University, 4, ul. Przhhevskogo, Smolensk, 214000, Russia

References:

- Gavrilenkov A. F. ‘Roslavl concentration camp of forced labor (1920–1921)’, *Voprosy istorii*, no. 8, 2001. (In Russian)
- Gavrilenkov A. F. ‘The system of concentration camps in the Smolensk province during the Soviet-Polish war of 1920–1921’, *Studia internationalia: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Zapadnyi region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniakh. X–XX vv.” (1–3 iuliia 2015 g.)* (Bryansk, 2015). (In Russian)
- Kodin E. V., Rodionov I. I. ‘Polish prisoners of war in the Roslavl and Smolensk concentration camps in 1920–1922’, *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (42), 2018. (In Russian)
- Kodin E. V., Rodionov I. I. ‘Social portrait of Polish prisoners of war held in the camps of the Smolensk province (1920–1921)’, *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (47), 2019. (In Russian)
- Kornilova O. V. ‘Red army Men in Polish captivity (1919–1922): main directions of modern Russian and Polish historiography’, *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (48), 2019. (In Russian)
- Kostyushko I. I. ‘On the question of Polish prisoners of war in 1920’, *Slavianovedenie*, no. 3, 2000. (In Russian)
- Kostyushko I. I. *The Polish Bureau of the Central Committee of the RCP(b). 1920–1921*, ed. by A. L. Shemyakin (Moscow, 2005). (In Russian)
- Kostyushko I. I. *The Polish national minority in the USSR (1920s)*, ed. by A. F. Noskova (Moscow, 2001). (In Russian)
- Oplakanskaya R. V. ‘Activity of the representation of the Mixed Commission in Siberia for the repatriation of Polish prisoners of war in 1921’, *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (9), 2015. (In Russian)
- Oplakanskaya R. V. ‘Difficult road home. On the repatriation of prisoners of war of the 5th Polish rifle division in the South of Siberia in 1921’, *Europa Orientalis*, no. 6, 2015. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.12775/EO.2015.003>.
- Ostrovskiy L. K. ‘Polish military in Siberia (1904–1920)’, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 316, 2008. (In Russian)
- Polish prisoners of war in the RSFSR, BSSR and Ukrainian SSR (1919–1922): Documents and materials*, ed. by I. I. Kostyushko (Moscow, 2004). (In Russian)
- White spots — black spots: Complex issues in Russian-Polish relations*, eds A. V. Torkunov, A. D. Rotfeld, A. V. Malgin, M. M. Narinskii (Moscow, 2017). (In Russian)

Received: April 1, 2020

Accepted: October 27, 2020